

Илья Кукуй
Поэзия о поэзии

(Сергей Бирюков. *ΠΟΕΣΙΣ. ΠΟΪΣΙΣ. ΡΟΕΣΙΣ. Μ.*:
Центр современной литературы/ Серия «Русский Гулливер», 2009)

Вы думаете так уж много
пиитов-поэтов-пыэтов
а их ведь совсем не очень
а их ведь не о
их вправду
почти что и нету

Процитированные выше слова заключительного стихотворения «Из серии эсхатологических опытов» Сергея Бирюкова звучат вызывающе не актуально: о современном поэтическом буме не писал только ленивый, да и на фоне недавно вышедшей двухтомной антологии «Русские стихи 1950-2000», включающей в себя 576 авторов, казалось бы, говорить о недостатке поэтов не вполне уместно. Более того, пантеон упомянутых поэтов в книге Бирюкова «ΠΟΕΣΙΣ. ΠΟΪΣΙΣ. ΡΟΕΣΙΣ» также достаточно велик, и немалая доля стихотворений адресована как субъектам упомянутой антологии (Г. Айги, Г. Сапгиру, И. Холину, и мн. др.), так и «классикам» разных веков и стран (Державину, Пушкину, Тютчеву, Аполлинеру), одному из которых, Велимиру Хлебникову, посвящен весь сборник.

Противоречия здесь нет. Ведь не только сухой ученый, но и страстный любитель поэтического слова стремится к выстраиванию оловянных солдатиков в ровные шеренги армии искусств по чинам и возрасту, и если до недавнего времени

невольными жертвами этого увлекательного занятия становились тасуемые портреты обитателей золотого, серебряного и прочих веков, то теперь к нашим услугам — всесильная и всеохватная паутина:

О сеть, сеть
Человек приносит весть
Но уже не человек
А машина
Неужели это и есть вершина
Предсказанного нам
Они там едят: ам-ам!

Поедание райских фруктов теперь действительно вошло в число повседневных удовольствий в саду земных наслаждений: отсюда движение от хлебниковского «О Сад, Сад!» к бирюковскому «О сеть, сеть!» («Код Велимира»). Поэтическое слово, еще несколько десятилетий назад медленно и обреченно ползшее (и, как правило, не доползающее) до типографии, теперь в мгновение ока публикуется не в каком-нибудь, а Живом журнале. Круг посвященных развернут во френдленту, подарочным бантиком красующуюся на ящичке электронной почты. Конечно, все мы любим подарки, и остается только радоваться тому, насколько мы теперь избалованы и вправду первоклассными стихами. Однако:

страшно подумать
что бывает так близко
скорость память
объем
жесткого диска

я не думал что буду так
распят-смят-опустошён
что цена мне пятак
что что ещё?
неужели неужто
теряется нить
и нечем жить

написать
переслать
удалить
сохранить

Показательно, что двухтомная антология так и озаглавлена — «Русские стихи»; это действительно собрание отдельных стихотворений, а не презентация поэтов. Можно быть уверенным в том, что большое число авторов, несмотря на прекрасные произведения, за пределы этой антологии — к сожалению — не выйдут. И точно также можно не сомневаться, что Сергей Бирюков, парадоксальным образом в антологии не представленный (как и многие другие адресаты его лирики — А. Альчук, Е. Мнацаканова, С. Сигей...), уже стал живым классиком, в первую очередь потому, что одним из немногих совмещает поэтическую новацию и ориентацию на первоисточки лирики — на *poesis*.

Трудно поверить, но книга, вышедшая в 2009 г. в рамках поэтической серии «Русский Гулливер», — первый широко доступный и наиболее представительный сборник стихотворений Бирюкова разных лет в России. Мотив путешествия в поэзии подлинно интернационального автора, проживающего в Германии и публикующегося в антологиях и на языках многих стран, закреплен на обложке: старая карта Тюрингии, дающая не только сухую сетку для ориентации на местности, но и живые вкрапления изображений гор, лесных массивов и речных долин. Своеобразной записью непрерывного путешествия можно считать и саму книгу, где главное — не застывшая статика поэтической конструкции, а живое движение языка:

найти первое слово
потянуть за лапку
а а а а а а а а а а
вот и готово
стихо-творе-ни-а

найти второе слово
ухватить нить

узелок основы
начать вить

и третье слово
о вот оно
начать ab ovo
открыть окно

и слово в слово
повторить
что может
отворить
дверцу судьбы
бы
бы
бы

Обращение к непрекращающемуся началу, длящее — ab ovo — первую букву алфавита и сдвигающее вторую в повторяющее условность конъюнктива «бы», характерно для рассчитанной прежде всего на устное исполнение поэзии Бирюкова. Бывавший на его чтениях знает, с какой виртуозностью автор умеет придать поэтическому эксперименту облик единственно возможного и абсолютно естественного, чуждого внешнему эпатажу ритмического и лирического жеста. Естественность и органичность столь редки в авангардной поэзии; они знакомы нам в первую очередь по творчеству первого Председателя Земного шара, которому адресованы многие послания в сборнике.

Авангардный подзаголовок — «Стихи, композиции, визуалы, серийная техника» — не только описывает технический инструментарий поэта, но и остраивает современную моду на филолого-поэтическое каталожество, смешение авангардистской и постмодернистской деконструкции. Избежать этих ножниц Бирюкову помогает безупречное чувство юмора:

Вэ Хлебников
Вэ Маяковский

Д'Бурлюк
А Крученых?!
А Ахматова А?
О, Мандельштам!
И Терентьев, Терентьев
И Зданевич-Ильязд
А Туфанов?
А Чичерин (Николаевич)?
И Сельвинский?
А Блок А?
И Северянин
А Введенский?
Д'Хармс!

Постоянное использование имен поэтов имеет для Бирюкова и иной, лежащий по ту сторону авангардной игры смысл: это сохранение памяти о тех, которых и было-то «совсем не очень», а теперь, после их ухода, «почти что и нету». Принадлежа к младшему (теперь уже, наверное, среднему) поколению пионеров поэтического авангардного андеграунда, Бирюков считает должным сохранить память о своих учителях и коллегах, оставляя звучать их слово в пространстве своей поэзии (акцент здесь на «звучать» — не случайна мысль в начале стихотворения «Примечание к»: «всё больше думаю стихи / записывать нельзя / не надо»). Значительное место в сборнике занимают мартирологи, высокий лирический пафос которых (не бояться пафоса — одна из редких сегодня поэтических добродетелей: «Траурный марш / вас не вдохновляет. / Но если другая / музыка не звучит»...) соединяет имена Хлебникова и Альчук, Введенского и Холина, Волошина и Сапгира — в обращении к последнему невольно вспоминаешь смерть Юрия Живаго:

в железной коробке
троллейбуса
умирает поэт
Генрих Сапгир
троллейбус продолжает

движение как будто
поэт спит
в неизвестном направлении
движ
движ
тролл
вместе с бездыханным телом
поэта
душа еще теплая
она еще диктует
последние строки
но уже никто не слышит
даже тело поэта
его рука
не слыш

В обращенном к Дмитрию Авалиани стихотворении «Принцип алфавита», своего рода скрытом (на самом видном месте) акrostихе, Бирюков предельно ясно декларирует принципы своего архаичного новаторства: первоисточки слова — алфавит — должны быть в первую очередь органичны, их корни в природе, а начало языка как знака поэзии — в образах звучащей речи, в *roesis*:

образ букв
из ветра и солнца
создается
можно ветер
представить как букву **А**
и крутить на пальце
как солнце
и тогда возникнет
В — словно два оконца
и снова перетечет
в **А**
и в **Л** разомкнется
и обнаружится **И**
А вернется
и разорвется угол

и станет **Н**
чтобы в финале **И**
Авалиани

Бирюкова заботит «надежность фиксации», «прививка слова к темноте / к утреннему лучу». Профессиональный филолог, он отдает себе отчет в том, что недостаточно «закрепить слово на балконе проволокой», «когда всё продумано до мелочей»: остаются последние — они же первые — вопросы, а «за проживание на этом свете полагается жизнь в залог». Эти же требования Бирюков, кстати, предъявляет и науке: «доклад о поэзии / надо произносить / как доклад о поэзии / а совсем не доклад / о повышении яйценоскости /кур». Поэзия как ответственность перед *roesis* — так можно было бы сформулировать необыкновенно импонирующую установку этой книги, заканчивающейся обращенным к читателю «послесло. от авт.» — заключенным в скобки заданием на дом — себе? нам?:

Сти хи с-с-с тихи стих и словом стихи
наше национальное достояние
ими можно топить печь
и вести речь
можно о том
как жить потом
когда
когда
когда
вот да
в самом деле
тогда
это наша нефть-газ-руда
стихиИ — от это ДА
всё прочее
(нужное слово подставить)